

И. Г. Шургая

О ТОРГОВЫХ СНОШЕНИЯХ ОЛЬВИИ С АЛЕКСАНДРИЕЙ ЕГИПЕТСКОЙ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

В ОПРОСЫ контактов раннеэллинистической Ольвии с крупнейшим центром Восточного Средиземноморья — Александрией Египетской — пока еще не были объектом специального рассмотрения и обычно решались в аспекте связей всего Северного Причерноморья с птолемеевским Египтом. И Э. Р. Штерн¹, и Б. В. Фармаковский², которые неоднократно касались вопроса о сношениях Ольвии с Александрией, не преследовали цели выяснить место Ольвии среди других северочерноморских центров в торговле с Египтом. Еще более общим был подход исследователей и к периодизации контактов Северного Причерноморья и эллинистического Египта. По-видимому, именно в силу указанных причин эти контакты не рассматривались надлежащим образом и оценивались как крайне незначительные, практически сбрасывались со счета в ольвийской или в целом северочерноморской торговле со странами Восточного Средиземноморья. Получившая в настоящее время определенный вес точка зрения о незначительном удельном весе александрийского импорта в Северном Причерноморье также не предполагает дифференцированного подхода в хронологии связей названного района с Египтом. Приведем, к примеру, высказывание Н. М. Лосевой, что «александрийскому импорту в настоящее время отводится значительно более скромное место»³.

М. М. Бондарь, например, не исключает Александрию из числа центров, поддерживавших торговые связи с Ольвией, но говорит об этих связях в большом хронологическом диапазоне: IV—I вв. до н. э.⁴ Такой недифференцированный в смысле хронологии подход к характеристике связей центров Северного Причерноморья с эллинистическим Египтом, по нашему мнению, является одной из причин их недостаточной разработки. Так, Л. М. Славин, характеризуя связи Ольвии с центрами Вос-

¹ Э. Р. Штерн, К вопросу об эллинистической керамике, ЗООИД, XXVIII, 1910, стр. 173; E. Stern, Sur les relations commerciales de la Mer Noire, Comptes Rendus du Congrès Internationale d'Archéologie Classique, 2me Session, Le Caire, стр. 227.

² Б. В. Фармаковский, Раскопки в Ольвии в 1902—1903 гг., ИАК, вып. 13, 1906, стр. 214.

³ Н. М. Лосева, Терракотовая головка сатиры из Фанагории, МИА, 57, 1956, стр. 179.

⁴ М. М. Бондарь, До питання про торговельні зносини Ольвії в VI—I ст. до н. е., Археологія, IX, 1954, стр. 171.

точного Средиземноморья в эллинистический период, даже не упоминает Александрию⁵. Между тем существующие археологические материалы позволяют иначе взглянуть на проблему сношений северопричерноморских центров и Александрии в эллинистическую эпоху. Прежде всего следует установить, в какие периоды эллинизма и с какими северопонтийскими центрами наиболее значительными были контакты с Александрией Египетской.

Мы уже пытались наметить основные хронологические вехи в сношениях Египта с Северным Причерноморьем, показав, что большая часть александрийских ваз Гадра, найденных в Северном Причерноморье, происходит из ольвийского эллинистического некрополя⁶. Складывается впечатление, что вокруг Ольвии группируется значительное число фактов, свидетельствующих об ее контактах с Александрией в раннеэллинистическую эпоху. Это выделяет Ольвию в контактах с Египтом среди других центров Северного Причерноморья. К сожалению, мы не располагаем литературными свидетельствами, освещающими сношения Ольвии с Египтом. Единственным источником, проливающим некоторый свет на этот вопрос, является археологический материал.

Особенно значительным фактом следует считать наличие в ольвийском некрополе ваз Гадра. Настоятельно подчеркиваем, что за небольшими исключениями керамика Гадра встречается главным образом в эллинистических некрополях Александрии. Вне Александрии известно лишь очень небольшое число ваз Гадра, найденных либо во владениях Птолемея, либо в тех центрах, которые находились в наиболее активных связях с Александрией⁷. Вот почему находки ваз Гадра в одном из районов Северного Причерноморья — явление, к которому следует отнестись особенно серьезно.

В ольвийском некрополе нами отмечены четыре чернофигурные вазы Гадра, относящиеся к различным периодам III в. до н. э. — от первой половины до конца указанного столетия⁸. Из ольвийского же некрополя происходит и вторая разновидность ваз Гадра — полихромные вазы⁹. Восемь ваз Гадра, найденных в ольвийском некрополе¹⁰, не единственный вид привозной александрийской керамики в Ольвии. Укажем на несколько чернофигурных агонистических амфор, александрийское происхождение которых наиболее вероятно. Первая публикация названной группы ваз была сделана Э. Р. Штерном, признавшим в них изделия Александрии¹¹. В 1901 г. в некрополе Ольвии Б. В. Фармаковский также нашел александрийскую агонистическую амфору¹². Александрийское

⁵ Л. М. С л а в и н, Периодизация исторического развития Ольвии, «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху», М., 1959, стр. 98 сл.

⁶ И. Г. Ш у р г а я, Импорт Александрии в Северном Причерноморье, ВДИ, 1965, № 4, стр. 138.

⁷ Отдельные вазы Гадра встречены в некрополях Кипра (см. A. P. di C e s n o l a, Salamina, L., 1882, стр. 258, рис. 248; A. F u r t w a e n g l e r, Collection Somzee, Munich, 1897), Родоса (см. G. D a u x, Chronique de fouilles et découvertes archéologiques en Grèce en 1964, BCH, LXXXIX—1965—II, стр. 879, рис. 88), Афин (см. T. L e s l i e S h e a g, The Campain of 1936, «Hesperia», VI, 1937, стр. 375 сл., рис. 40).

⁸ Ш у р г а я, Импорт Александрии..., стр. 123—132, рис. 1—4.

⁹ Там же, стр. 134—137, рис. 6—8.

¹⁰ Заметим, что Э. Бреччия было известно о находках ваз Гадра в Ольвии, о чем он неоднократно упоминает в своих трудах (E. B r e c c i a, La necropoli in Sciatbi, т. I, Le Caire, стр. 27; он же, Alexandria ad Aegyptum, Bergamo, 1914, стр. 236).

¹¹ Ш т е р н, ук. соч., стр. 163—165, табл. I, 4; табл. II, 3, 2. Мы также высказались за александрийское происхождение указанных ваз (см. И. Г. Ш у р г а я, К вопросу о чернофигурной вазовой росписи эпохи эллинизма, «Краткие сообщения Одесского гос. археол. музея», Одесса, 1965, стр. 148 сл.).

¹² Б. В. Ф а р м а к о в с к и й, Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г., ИАК, 1903, вып. 8, стр. 28, рис. 15, а — г; см. также Б. В. Ф а р м а к о в с к и й, 1901, стр. 9, рис. 13, а — в.

происхождение найденных в Ольвии агонистических амфор поддерживает и В. Д. Блаватский¹³.

Находки александрийской эллинистической керамики в Ольвии дополняются полихромной амфорой с наклепными рельефными украшениями, хранящейся в Государственном Эрмитаже¹⁴.

Вся рассмотренная выше александрийская керамика относится ко времени не позднее рубежа III—II — начала II в. до н. э.

В настоящей статье мы подробнее остановимся на той группе местной ольвийской керамики, своеобразии и особенности которой возможно истолковать только как результат отражения и переработки орнаментации привозных александрийских сосудов.

Как известно, с раннеэллинистического времени в Средиземноморье широкое распространение получила керамика с темной росписью по светлой поверхности сосудов, нередко покрытых ангобом. Керамика этого рода, украшенная небрежно исполненным в силуэтной технике растительным или поясковым узором, отмечается в Пергаме¹⁵, ряде островных центров Средиземноморья, а также в Северном Причерноморье¹⁶. Изданный Т. Н. Книпович материал этого рода, происходящий в основном из Ольвии и Восточного Крыма, сравнительно недавно был дополнен О. Д. Дашевской, опубликовавшей керамику с темно-красной росписью по светлому фону из Северо-Западного Крыма¹⁷.

В сюжетах росписи этой керамики и особенно в технике ее исполнения ряд исследователей видит непосредственные параллели с орнаментикой ваз Гадра и расписных лагиносов¹⁸. Однако при общности простейших сюжетов — пояски, растительные побеги, исполненные в зональной схеме, — во всей массе этой керамики мы не находим достаточно близкой общности с сюжетами росписи чернофигурных александрийских гидрий. Игидрия Гадра, и лагиносы, равным образом как и расписная керамика из Северного Причерноморья, выявляют общие тенденции, прослеживаемые в орнаментации керамики раннеэллинистического времени. Рассматриваемая керамика, естественно, не имеет и генетической связи с чернофигурными александрийскими гидриями, и сходство может быть отмечено лишь в некоторых общих сюжетных линиях — пояски, растительные побеги, что как дань эпохе нашло свое место и в росписи ваз Гадра. Чернофигурные вазы Гадра занимают особое место в расписной керамике эллинизма, в известной степени возродив традиции древней чернофигурной вазописи. Стиль росписи александрийских чернофигурных гидрий во многом сложился под влиянием позднепанафинейских амфор, и так же, как и в орнаментике последних, ему придавался известный сакральный смысл. Таким образом, проводя некоторые параллели расписной керамике Северного Причерноморья с чернофигурными александрийскими гидриями, не сле-

¹³ В. Д. Блаватский, История античной расписной керамики, М., 1953, стр. 276.

¹⁴ К. В. Тревер, Ольвийская полихромная амфора 1901 г., МАР, № 36, Пг., 1918; см. также ОАК, 1901, стр. 9 сл., рис. 14, а—с; ИАК, вып. 8, 1903, стр. 31 сл., табл. III; вып. 33, 1909, стр. 131, рис. 54; E. Minns, Scythians and Greeks, Cambr., 1913, стр. 354, рис. 259—260, стр. 355, рис. 261; Блаватский, ук. соч., стр. 279; он же. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи, М., 1947, стр. 85, 88, рис. 50.

¹⁵ E. Boehringer, Fr. Krauss, Das Temenos für Herrscherkult, Altertümer von Pergamon, IX, B.—Lpz., 1937, стр. 122, рис. 59, а, b.

¹⁶ Т. Н. Книпович, Из истории художественной керамики Северного Причерноморья, СА, VII, 1941, стр. 142—147.

¹⁷ О. Д. Дашевская, Эллинистическая расписная керамика из Северо-Западного Крыма, СА, 1967, № 1, стр. 162 сл.

¹⁸ См. там же, стр. 167.

дует ставить возникновение их росписи в связь с непосредственным влиянием керамики Гадра.

Небольшая серия расписных ваз, происходящих из Ольвии, в системе росписи, характерной для всего Северного Причерноморья, украшена сюжетами, выпадающими из общей схемы. Изучение этой сравнительно небольшой группы сосудов указывает на прямое воздействие сюжетов чернофигурных ваз Гадра, правда, упрощенных, схематизированных и основательно переработанных. Обратимся к конкретным примерам.

Рис. 1. 1 — расписной кувшин, Одесский музей; 2 — образцы оформления горла чернофигурных гидрий Гадра:

а — из коллекции В. С. Голенищева, ГМИИ, инв. № I, 1а 2983; б — из Одесского археологического музея, инв. № ОГАМ-26623; в — из музея Antiquarium (Берлин); г — из коллекции В. С. Голенищева, ГМИИ, инв. № I, 1а 2981; д — из Одесского археологического музея, инв. № ОГАМ-26639

В разработке сюжета росписи одного из сосудов собрания Одесского археологического музея отчетливо прослеживается влияние орнаментальной схемы чернофигурных ваз Гадра. Впервые сосуд был опубликован Э. Р. Штерном как александрийское изделие, что следует признать симптоматичным¹⁹. Позднее Т. Н. Книпович, выделив из материалов Э. Р. Штерна северопричерноморскую керамику, доказала местное, ольвийское происхождение этой вазы²⁰. Сосуд представляет собой небольшой одно-ручный кувшин с широким ступенчатым венчиком и плоской ручкой²¹. Он покрыт кремовым ангобом и расписан тусклой темно-красной краской. Тулово сосуда ниже округлых плечиков украшено широкой полосой в центре и узкими полосками по бокам (рис. 1, 1). Побег плюща на плечиках, пояски над ними — все это отголоски росписи чернофигурных алек-

¹⁹ Штерн, ук. соч., стр. 168, табл. IV, 10.

²⁰ Книпович, Из истории художественной керамики..., стр. 141, рис. 3.

²¹ Инв. № ОГАМ-22638.

сандрийских гидрий, переданных в упрощенной, свободной схеме. Бесспорное свидетельство влияния росписи ваз Гадра — оформление горла кувшина. Схематически исполненная красной краской ветвь лавра с узкими прямыми лепестками, охватывая среднюю часть горла сосуда, замыкается круглой розеткой с лепестками, трактованными в виде круглых точек. Указанная деталь росписи кувшина скопирована с вазы Гадра и является неременным элементом оформления александрийских чернофигурных гидрий. Сопоставим ольвийский кувшин с орнаментацией горла

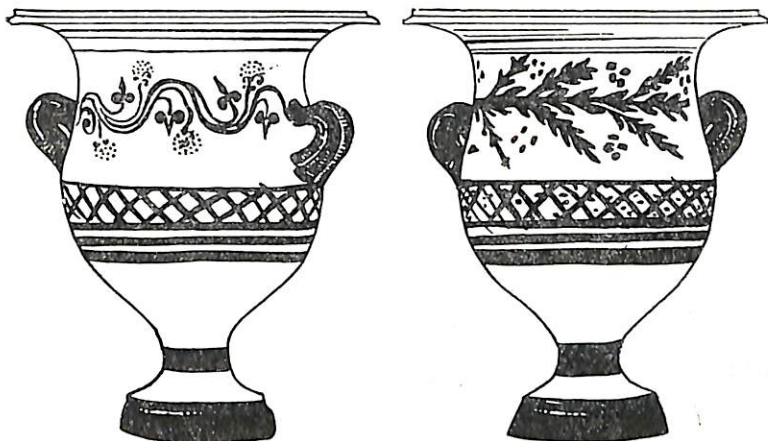

Рис. 2. Расписной кратериск. Одесский музей

типичных чернофигурных ваз Гадра (см. рис. 1, 2). Описанный кувшин — пример использования орнаментальных узоров, позаимствованных у ваз Гадра. Он как бы констатирует отражение ольвийскими гончарами известного влияния ваз Гадра на сюжеты росписей отдельных групп ольвийской керамики, связанной с некрополем. Очевидно, ольвийские гончары непосредственно могли видеть керамику Гадра, если так точно воспроизводили в росписи своих изделий свойственный только александрийским вазам орнамент.

Ваза была приобретена Э. Р. Штерном в неповрежденном состоянии в Парутино для Одесского музея и, безусловно, происходит из некрополя Ольвии.

Нам известны и другие расписные ольвийские вазы, также происходящие из некрополя, в росписи которых при различной вариации их форм в переработанном виде отражено влияние чернофигурных ваз Гадра. Небольшой сосудик в виде кратериска, хранящийся в Одесском музее, также свидетельствует о хорошем знании керамики Гадра мастером, его расписавшим²². Не вдаваясь подробно в описание сосуда, отметим лишь те детали его росписи, которые заимствованы из орнаментики ваз Гадра (рис. 2). Это, безусловно, узоры из побегов плюща на одной стороне сосуда и ветвей лавра — на другой. Особенно интересна широкая полоса штриховки, опоясывающая нижнюю часть тулова. На одной из сторон кратериска интервалы пересекающихся линий с точками между ними или без точек, как правило, украшают вертикальные полосы по обеим сторонам ручек у ваз Гадра. Там они имеют вертикальное положение, состав-

²² Инв. № III/3786. Был издан в свое время Э. Р. Штерном, принявшим его за александрийское изделие (ук. соч., табл. V, 13). Т. Н. Книпович обосновала местное производство сосуда (Книпович, Из истории художественной керамики..., стр. 145).

ляя неотъемлемый, традиционный мотив росписи²³. Любопытно, что роспись сосуда неодинакова на обеих его сторонах. Это довольно редкое явление в украшении ваз такой формы растительными узорами. Для них, как правило, характерно симметричное размещение орнаментации по поверхности сосуда. Все это лишний раз подтверждает наше предположение о том, что художник, расписавший сосуд, скопировал орнаментальные мотивы с другого сосуда, по-видимому, отличавшегося от него формой. Ветвь лавра на одной стороне, так же как и побеги плюща на другой, написаны так, как это обычно исполняется в росписи чернофигурных vaz Гадра.

Приведенные примеры свидетельствуют о наличии в Ольвии раннеэллинистического времени небольшой группы расписных vaz, сюжеты орнаментации которых в известной мере стоят в связи с чернофигурными вазами Гадра. Примечательно, что ольвийские вазописцы не просто копируют росписи александрийских vaz, но передают их в свободной и упрощенной трактовке. То, что выглядит каноническим в оформлении чернофигурных гидрий Гадра, придает ольвийским изделиям своеобразный и порой весьма необычный для местной керамической продукции вид.

Мы уже отмечали, что в Северном Причерноморье керамика с темной силуэтной росписью поверх ангобированного покрытия встречается во многих центрах — в Херсонесе²⁴, в Мирмекии²⁵, на Тамани²⁶, в Северо-Западном Крыму²⁷. Но орнаментальные детали в оформлении расписной керамики этого типа, почерпнутые непосредственно из росписей чернофигурных александрийских гидрий, отмечаются только в Ольвии, что мы и пытались показать.

Итак, только среди ольвийских расписных сосудов мы обнаруживаем образцы, сюжеты росписи которых исполнялись под воздействием орнаментов чернофигурных vaz Гадра. Особое место в керамике Ольвии, также связанной с погребальным ритуалом, принадлежит группе амфор, происходящих из эллинистического некрополя. По оформлению они близки второй разновидности vaz Гадра — полихромным гидриям и так же, как и последние, характеризуются акварельной росписью поверх гипсовой облицовки. Эти амфоры были изданы К. И. Зайцевой²⁸, мы же пытались обосновать их генетическую связь с полихромными вазами Гадра²⁹.

Таким образом, в ольвийском керамическом производстве, связанном с некрополем, в III и на рубеже III—II вв. до н. э. наблюдаются две разновидности керамики: сосуды с темно-красной росписью на светлом фоне, сюжеты которой отражают воздействие чернофигурных vaz Гадра, и амфоры с гипсовой облицовкой и акварельными рисунками, в технологическом отношении напоминающие полихромные вазы Гадра, т. е. вторую разновидность александрийских гидрий.

Особо отметим, что время, к которому относятся указанные виды ольвийской керамики, совпадает с временем производства vaz Гадра в Александрии.

²³ См., например, гидрии Гадра из Каирского музея — С. С. Е d g a r, *Greek Vases, Le Caire, 1911*, табл. XIV, 26224, 26225, 26227, 26228—26230, 26233, 26235, 26239.

²⁴ Г. Д. Белов, *Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг.*, Крым. АССР, 1938, рис. 17 и 85; В. В. Борисова, *Гончарные мастерские Херсонеса (по материалам раскопок 1955—1957 гг.)*, СА, 1958, № 4, стр. 150, рис. 7; К и н и о в и ч, *Из истории художественной керамики...*, стр. 144, рис. 7.

²⁵ Там же, стр. 142, рис. 5.

²⁶ Там же, стр. 142, рис. 4.

²⁷ Д а ш е в с к а я, *ук. соч.*, стр. 162 сл.

²⁸ К. И. З а й ц е в а, *Местная керамика Ольвии эллинистического времени (курильницы и амфоры)*, ТГЭ, VII, 1962, стр. 184 сл.

²⁹ И. Г. Ш у р г а я, *К вопросу об отражении александрийского импорта в керамическом производстве Ольвии*, КСИА АН СССР, вып. 109, 1967, стр. 40.

Мы не делаем вывода, что влияние александрийской керамики Гадра на керамическое производство Ольвии раннеэллинистического времени приобрело широкий характер. Для подобных утверждений нет оснований. Однако нельзя также игнорировать того факта, что в Ольвии указанной поры существуют отдельные типы сосудов, происходящих из некрополя, в оформлении которых влияние, а порой и генетическая связь с керамикой Гадра очевидны.

Аналогичные явления в керамике других центров Северного Причерноморья той же поры не прослеживаются. Факты, отмеченные в ольвийской керамике, не выглядят изолированными от других групп раннеэллинистического материала Ольвии, если присмотреться к ним внимательно.

Общеизвестны, например, образцы скульптуры, найденные в слоях ольвийского городища, в которых большинство исследователей видит произведения александрийской школы.

Из раскопок 1902—1903 гг., проведенных Б. В. Фармаковским, происходят три мраморные головы — Асклепия, Гигиеи и Эрота.

В указанных скульптурах Б. В. Фармаковский выделил признаки, характеризующие александрийскую школу³⁰. Последующие исследователи античной скульптуры, найденной в северопрichernоморских центрах, разделяют точку зрения Б. В. Фармаковского³¹. В. Д. Блаватский, также подчеркивающий александрийское происхождение скульптур, относит их к концу III в. до н. э.³² Примечательно, что и Э. Бречchia, хорошо осведомленный о работах Б. В. Фармаковского в Ольвии, считал упомянутые выше скульптуры характерными образцами александрийской школы³³.

Заметим, что образцы александрийской скульптуры, обнаруженные в Ольвии, относятся к III в. до н. э., т. е. к тому же времени, что и привозная александрийская и местная, находящаяся с ней в связи, керамика.

В комплексе источников, привлекаемых нами к рассмотрению вопроса о контактах Ольвии с Александрией Египетской, важное место занимают данные нумизматики³⁴. Монетные находки хотя и немногочисленны, но весьма показательны, особенно если взглянуть на них на фоне всего нумизматического материала Северного Причерноморья раннеэллинистического времени. В других пунктах названного района, помимо Ольвии, александрийских монет III в. до н. э. пока еще найдено не было.

Рис. 3. Александрийские монеты Птолемея IV Филопатора из Ольвии

³⁰ Фармаковский, Раскопки в Ольвии в 1902—1903 гг., стр. 191—215, рис. 151, 155, табл. I—III.

³¹ O. Waldhauser, Die antiken Sculpturen der Ermitage, I, B. — Lpz., 1931, стр. 162, табл. XXVII, рис. 47. См. также М. И. Максимова и М. А. Павликина, Скульптура, «Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры», М. — Л., 1955, стр. 303—305.

³² В. Д. Блаватский, Искусство Северного Причерноморья античной эпохи, М., 1947, стр. 81 сл., рис. 47; он же, Античная археология Северного Причерноморья, М., 1961, стр. 144.

³³ E. Breccia, *Pharmakowsky B. — Olbia, Fouilles et Trouvailles, 1901—1908* (Extrait du «Bulletin de la Commission Impériale archéologique», fasc. 33, стр. 103—137), St. Petersburg, 1909. Напечатано: «Bulletin de la Société Archéologique d'Alexandrie», № 12, Alexandrie, 1910, стр. 111.

³⁴ Сведения об александрийских монетах из Ольвии были мне любезно переданы П. О. Карышковским, которому приношу искреннюю благодарность. Упомянутые монеты приведены в его пока еще не опубликованной работе «Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н. э. — IV в. н. э.)», 1969, рукопись, стр. 792.

Три монеты птолемеевского времени найдены в Ольвии на раскопе «Е», в эллинистическом слое, при раскрытии одного из зданий торговых рядов³⁵. Две монеты средней сохранности, третья ввиду сильной стертости неразличима. На аверсе одной из монет (0/48—1431) — голова Зевса-Аммона³⁶, на реверсе другой (0/48—1428) — грифон³⁷ (рис. 3, 1 и 2). Монеты датируются годами царствования Птолемея IV Филопатора, т. е. относятся к последней четверти III в. до н. э.

В Ольвии и прилежащем к ней районе и ранее находили александрийские монеты, о чем свидетельствуют упоминания в старой археологической хронике. Однако обстоятельства находок и характеристики монет, как правило, не приводились³⁸. Все это, однако, не лишает нас возможности включить указанные нумизматические находки в круг материалов, привлекаемых к характеристике торговых контактов Ольвии эллинистического времени, относясь к ним, естественно, с большой осторожностью.

Важно учесть и наличие александрийских монет времени Птолемея в близком соседстве от Ольвии — на о-ве Левке, святилище которого посещали все мореплаватели, плывшие в названный центр³⁹.

Итак, керамические находки из некрополя, скульптура, монеты — весь этот материал группируется в рамках одного столетия. И хотя в сумме археологических данных III в. до н. э., происходящих из Ольвии, общий баланс его сравнительно невелик, упомянутый материал дает серьезный аргумент в пользу тезиса о наличии торговых контактов Ольвии с Александрией Египетской в III в. до н. э. О характере и масштабах этих связей трудно судить, однако все же можно высказать ряд предположений. Так, керамические изделия не были, очевидно, первостепенной статьей александрийского импорта в Ольвию, который скорее всего могли составлять знаменитые египетские ткани, изделия из стекла⁴⁰, предметы торевтики, возможно пряности. Раннеэллинистическая Ольвия могла быть хорошим рынком для сбыта александрийских товаров. Таким рынком, естественно, могли оказаться и другие центры Северного Причерноморья — Херсонес, боспорские города, однако здесь количество находок александрийских изделий так незначительно, что они практически в расчет не принимаются⁴¹. Следовательно, к III в. мы можем отнести лишь данные, касающиеся Ольвии, причем в первую очередь — это археологический материал.

Из суммы фактов, касающихся контактов Ольвии с Александрией Египетской, нельзя исключить один эпиграфический памятник, происходящий из Тиры, который еще в конце прошлого столетия был опубликован

³⁵ Инв. №: 0/48—1427, 0/48—1428, 0/48—1431. Ольвия, раскоп «Е», желтоглиняный слой, глубина 1,85—2,10 м от современной поверхности.

³⁶ E. D. Dutilleul, Collection Numismatique du Musée Gréco-Romain d'Alexandrie, «Journal International d'Archéologie Numismatique» (под общей редакцией J. N. Svoronos), 3, 1900, табл. III, 1, 3, 5—6. См. также А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, 16, табл. XIII, 17.

³⁷ R. S. Poole, A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum. The Ptolemies kings of Egypt, L., 1883, стр. 62—63, № 4—9, табл. XIV, 3.

³⁸ Например, в 1887 г. упоминается «монета Птолемея Египетского». См. ЗРАО, т. III, вып. 2, СПб., 1887, стр. 279, № 7. В 1892 г. в Ольвии найдена «золотая мелкая монета одного из Птолемея» (см. «Археологические известия и заметки», 1894, № 2, стр. 49).

³⁹ А. Н. Зограф. Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ на Черноморье, СА, VII, 1941, стр. 153.

⁴⁰ A. I. Voščinnina, Frühantike Glasgefäße in der Ermitage (Gruppe der Salbgefäße in der Sandkern-Technik), «Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock», 16 Jg, 1967, Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe, Ht 7/8, стр. 559 сл.

⁴¹ Мы можем назвать только одну вазу Гадра из Херсонеса и одну вазу Гадра из Пантикапея (см. Шургая, Импорт Александрии..., стр. 134, 138, прим. 67).

В. В. Латышевым⁴². Событие, о котором свидетельствует упомянутый эпиграфический документ, происходящий из ближайшего к Ольвии пункта, наводит на мысль об аналогичных явлениях, возможно, имевших место и в Ольвии. Вместе с тем надпись, о которой пойдет речь, связывает Ольвию с кругом фактов, более характерных для Западного Причерноморья. Это, по-видимому, и поможет нам разобраться, почему именно Ольвия так выделяется среди центров Северного Причерноморья в III в. до н. э. в контактах с эллинистическим Египтом. Рассмотрим вкратце памятник, трактовка которого издателем в свое время вызвала возражения А. И. Сонни⁴³, что вынудило В. В. Латышева дать дополнительные пояснения в подкрепление своей позиции.

Обратимся к надписи⁴⁴:

... ε Κρατίνου Σεράπιδι, Ἰσιδι
[καὶ] θεοῖς συν(ν)ήχοις χαριστήριον.

На основании текста надписи, свидетельствующего о благодарственном приношении некоего сына Кратина Серапису, Исиде и чтимым вместе с ними богам (Гарпократу и Анубису), издатель справедливо отметил, что «... это первое, не подлежащее никакому сомнению свидетельство о существовании культа названных египетских божеств на северном побережье Евксинского Понта приблизительно во II в. до Р. Х., к которому можно отнести надпись по характеру письма». Сомнения по поводу столь ранней даты появления греко-египетских божеств в Причерноморье А. И. Сонни обосновал ссылками на В. Н. Юргевича, опубликовавшего надпись из Ольвии времени Александра Севера⁴⁵, содержащую упоминания египетских божеств, и В. Дрекслера⁴⁶. Последний полагал, что греко-египетские культы в Причерноморье появляются только в римскую эпоху в связи с размещением в этом районе римских гарнизонов. Именно тогда египетские культы широко распространяются в самом Риме⁴⁷. Примечателен ответ В. В. Латышева, объяснившего появление греко-египетского культа в Северном Причерноморье в эллинистическую эпоху в результате торговых сношений названного района с Александрией в III—II вв. до н. э.⁴⁸

Приведенная выше полемика по поводу датировки надписи с посвящением греко-египетским божествам, возникшая в конце XIX в., в известной мере понятна. Помимо надписи из Тиры, изданной В. В. Латышевым, в то время почти не было других данных, позволяющих судить о наиболее ранней дате связей Александрии с Северным Причерноморьем. Археологический материал, который мог бы пролить какой-то свет на эту проблему, не был еще известен. Поэтому даже авторитета такого выдающегося эпиграфиста, каким был В. В. Латышев, оказалось недостаточно для при-

⁴² В. В. Л а т ы ш е в, Древности Южной России. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889—1891 гг., МАР, № 9, 1892, стр. 58—59. (=IOSPE, I², 5).

⁴³ А. И. С о н н и, К вопросу о культе египетских божеств на северном побережье Черного моря, «Филологическое обозрение», т. V, М., 1893, стр. 53—55.

⁴⁴ По сообщению В. В. Латышева, надпись была доставлена в Археологическую комиссию в 1891 г. проф. Ф. И. Кнауэром, а найдена несколько ранее — в 1889 г. вблизи Аккерманской крепости (ук. соч., стр. 58).

⁴⁵ В. Ю р г е в и ч, Два отрывка ольвийских надписей, ЗООИД, XIV, 1886, стр. 22—24.

⁴⁶ W. D r e x l e r, Der Cultus der Aegyptischen Gottheiten in den Donaunländern, Lpz., 1890, стр. 90 сл.

⁴⁷ «Очевидно, пример столицы повлиял даже на эти столь отдаленные страны», — писал А. И. Сонни (ук. соч., стр. 53—54).

⁴⁸ В. В. Л а т ы ш е в, По поводу заметки проф. А. И. Сонни, «Филологическое обозрение», т. V, М., 1893, стр. 140—142.

знания факта, что уже во II в. до н. э. Исида и Серапис вместе с сопутствующими им Гарпократом и Анубисом входили в пантеон обитателей по крайней мере одного из районов Северного Причерноморья, — как мы видим, Западного.

Такие материалы появились сравнительно недавно. В связи с ними естественно поставить вопрос о пересмотре взглядов, согласно которым появление греко-египетского культа в Причерноморье относится только к римскому времени. Эти новые материалы связаны главным образом с Западным Причерноморьем, включая и его наиболее северный район, весьма близкий к Тире и Ольвии, — так называемую «Малую Скифию», нынешнюю Добруджу. Открытый здесь сравнительно недавно эпиграфический документ проливает свет на религиозную картину Северо-Западного Причерноморья, в рамках которой надпись из Тиры, опубликованная в 1892 г. В. В. Латышевым, приобретает новое звучание.

В Истрии в 1959 г. была найдена надпись, из текста которой явствует, что город через посредство оракула Калхедона вводит у себя культ Сераписа. Д. М. Пиппиди, издатель указанной надписи, датирует ее III в. до н. э.⁴⁹ Этот чрезвычайно важный эпиграфический документ свидетельствует, что за столетие до того, как в Тире по приведенной выше надписи фиксируется существование греко-египетского культа, в Истрии был принят официальный декрет о его введении. Ввиду отсутствия в настоящее время эпиграфических данных, можно только предположить, что и в Тире египетский культ мог появиться, возможно, вследствие декрета и, может быть, близко к тому же времени, т. е. в III в. до н. э. Связи Тиры, а также и Ольвии с Истрией подтверждаются многими материалами, и в наших рассуждениях о них можно судить как о твердо установленном факте⁵⁰. Это необходимо учитывать, так как многие сходные явления, наблюдаемые в городах Северо-Западного и Западного Причерноморья, объяснимы указанными контактами.

Существование в Тире во II в. до н. э. греко-египетского культа, засвидетельствованного эпиграфическим документом, подвергавшееся в свое время сомнениям (например, приведенные выше возражения А. И. Сонни), ныне не выглядит изолированным фактом, а входит в круг явлений, характерных для Западного Причерноморья, и близких в культурном отношении к нему Тиры и Ольвии.

Естественно возникает вопрос: каковы причины, вызвавшие появление в городах Западного Причерноморья культа Сераписа, Исиды и других синкретических греко-египетских божеств?

По мнению Д. М. Пиппиди, факт введения греко-египетских божеств в пантеон ряда центров Западного Причерноморья не вытекает из прямых контактов городов этого района с эллинистическим Египтом⁵¹. Согласно взглядам названного исследователя, греко-египетский культ в западно-черноморских центрах появился вследствие посещений их обитателями Восточного Средиземноморья, где синкретические культы, среди которых

⁴⁹ D. M. P i p p i d i, Sur la diffusion des cultes égyptiens en Scythie Mineure, *Studii Classice*, VI, București, 1964, стр. 108, 111 сл.

⁵⁰ Вполне справедливо, например, мнение, согласно которому Тира рассматривалась как промежуточный пункт при плавании в Ольвию вдоль западного побережья Черного моря. См. А. Н. З о г р а ф, Древний город Тира — Белгород — Аккерман, КСИИМК, 8, 1940, стр. 64; он же, Монеты Тиры, М., 1957, стр. 12. О контактах Ольвии с Истрией см. Т. В. Б л а в а т с к а я, О финансовых коллегиях Ольвии и Истрии, КСИИМК, 22, 1948, стр. 57 сл.; П. О. К а р ы ш к о в с к и й, Утерянная ольвийская надпись, СА, XXVIII, 1958, стр. 151 сл., особенно стр. 158—161; Э. Н. С о л о м о н и к, Новые данные о связях Ольвии с Истрией, «Klio», 52, 1970, стр. 427 сл., особенно стр. 431—432.

⁵¹ P i p p i d i, ук. соч., стр. 104 сл.

был культ Исида и Сераписа, получили широкое распространение⁵². Справедливость последнего утверждения не приходится отрицать.

Однако нельзя не учитывать факта, убедительно изложенного в свое время В. В. Струве, что культ Сераписа (особенно в раннеэллинистическую эпоху) воспринимался в первую очередь как культ божества-покровителя Александрии⁵³. Поэтому появление греко-египетского культа даже в весьма отдаленном от Египта центре нельзя рассматривать в совершенном отрыве от возможности проявления известных симпатий к Египту, Александрии и Птолемам, учредивших культ Сераписа в Египте, тем более если названный культ вводится официально⁵⁴.

Вместе с тем от эллинистической эпохи сохранились материалы, свидетельствующие о присутствии обитателей Западного, а также и Северного Причерноморья в Египте, главным образом в Александрии. Здесь и отдельные эпиграфические свидетельства об уроженцах Понта, среди которых наше внимание привлекла стела из некрополя Гадра с именем истриянки Асии⁵⁵, специально собранные Г. Михайловым сведения о фракийцах в Египте⁵⁶, а также известный папирус из архива Зенона, содержащий упоминание о посланце боспорского царя Перисада II при дворе Птолемея Филадельфа⁵⁷. Следует иметь в виду также и упоминание Агафархида, относящееся, правда, к среднеэллинистическому периоду, о существовавшем во II в. до н. э., по-видимому, хорошо освоенном пути из Меотиды в Александрию через Родос⁵⁸. Таким образом, свидетельство Агафархида, иллюстрирующее существование морского пути из Боспора в Египет во II в. до н. э., наводит на мысль об увеличении лишь в указанное столетие числа маршрутов в Причерноморье, по которым можно следовать при плавании из Египта. В III в. до н. э. подобный маршрут скорее всего еще не был в систематической практике мореплавания.

Совершенно иная картина рисуется в Западном и Северо-Западном Причерноморье, где мы видим достаточно раннее появление греко-египетского культа, как, например, в Истрии и Тире, или наличие александрийских предметов, открытых как в слоях ольвийского городища, так и в эллинистическом некрополе Ольвии. По-видимому, западный берег Черного моря в целом вошел в сферу торговых интересов Александрии с раннеэллинистической поры. Хорошо известна активность александрийских мореплавателей, а если учесть, что Птолемеи на протяжении всего III в. до н. э. владели рядом городов в Северной Эгеиде, то вероятность их путешествий в район Западного и Северо-Западного Понта представляется вполне реальной.

⁵² Там же, стр. 106.

⁵³ В. В. Струве, Манефон и его время, «Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР», III, Л., 1928, стр. 140—142.

⁵⁴ Г. Лафайе полагал, что культ Сераписа вне Египта распространялся официально (G. Lafaye, Histoire du culte des divinités d'Alexandrie, P., 1884, стр. 34 сл.). По мнению Ф. Кюмона, греко-египетский культ вводился там, где авторитет Птолемея был особенно значителен (F. Cumont, Religiones orientales dans la paganisme romain, P., 1929, стр. 74).

⁵⁵ Стела была найдена в 1900 г. в некрополе Гадра на восточной окраине Александрии. Под изображением женской фигуры на плите надпись: Ἀσία Ἰστρία «Асия, истриянка». Хранится в Греко-Римском музее в Александрии, инв. № 104. Э. Бречна истриянка». Датирует стелу III в. до н. э. (E. Breccia, Iscrizione Greche e Latine, Le Caire, 1911, стр. 128, № 234). Об имени Ἀσία см. в словаре W. Pape, G. Benseler, Wörterbuch der griechischen Eigennamen, Braunschweig, 1884, стр. 156.

⁵⁶ G. Mihailov, Les Thraces en Egypte, «Linguistique Balkanique», XIII, 1, Sofia, 1968, стр. 31—44.

⁵⁷ H. I. Bell, Greek Sightseers in the Thaim in the Third Century B. C., «Symbolae Osloenses», V, 1927, стр. 33.

⁵⁸ SC, I, стр. 926.

Вопрос о контактах Ольвии с эллинистическим Египтом, и в частности с Александрией, у нас возник в связи с находками в Ольвии греко-египетских вещей. В ближайших к Ольвии пунктах Северо-Западного Причерноморья — в Истрии и Тире, как мы показали, обнаружены доказательства существования греко-египетского культа в III и II вв. до н. э. Таким образом, весь круг фактов, охватывающих в целом Северо-Западное Причерноморье, свидетельствует о его контактах с Александрией уже в III в. до н. э.

В настоящей статье мы не ставили перед собой задачи в целом рассмотреть проблему контактов Западного Причерноморья или, в частности, его северного района с Египтом. Это предмет специального изучения, и мы коснулись его лишь в той мере, в какой это могло способствовать решению вопроса о сношениях Ольвии с Александрией Египетской, поставленного нами в связи с находками в Ольвии александрийских материалов. Эти материалы, как было показано выше, относятся преимущественно к раннеэллинистической эпохе, т. е. ко времени не позднее рубежа III—II вв. до н. э. В последующие два столетия в контакты с Египтом включились районы Северного Причерноморья к востоку от Ольвии, о чем можно судить хотя бы по приведенным выше данным Агафархида, достаточно точно указавшего срок, за который в его время (II в. до н. э.) преодолевался по морю путь из района Меотиды до Александрии. Но эти вопросы выходят за рамки задач, поставленных в нашей статье, и требуют специального рассмотрения. Скорее всего, Ольвия продолжала поддерживать контакты с Александрией вплоть до гетского погрома (48 г. до н. э.), хотя и не в том объеме, как в III в. до н. э. С конца III в. до н. э. Ольвия вступает в период кризиса, который завершился трагическими событиями 48 г. до н. э. Из декретов в честь Протогена (IOSPE, I², 32) и Никерата (IOSPE, I², 34) мы узнаем об экономическом упадке Ольвии и о непрерывных набегах варварских племен. Все это, безусловно, отрицательно сказалось и на торговых связях Ольвии, диапазон которых значительно сократился.

Выделив раннеэллинистическую Ольвию из круга античных городов Европейского Юга СССР при рассмотрении ее контактов с эллинистическим Египтом, мы смогли убедиться, что в направлении своих торговых связей она примыкает к городам Западного Причерноморья. Этим, по-видимому, и объясняется, почему среди центров Северного Причерноморья в III в. до н. э. в контактах с Александрией выделяется именно Ольвия, по своему географическому положению находящаяся на стыке северного и западного районов Причерноморья.

OLBIA'S TRADE TIES WITH ALEXANDRIA IN THE HELLENISTIC PERIOD

by I. G. Shurgaya

Study of the Alexandrian material found in the Olbia town-site and necropolis led the author to conclude that most of this material is not later than the turn of the III—II centuries B. C. The finds include sepulchral vases from Hadra, which are rarely found outside Alexandria, small agonistic amphoras of Alexandrian manufacture, sculptured objects and Ptolemaic coins of the end of the III century. More detailed consideration is given to a small group of Olbian painted vases whose decoration shows, in the author's opinion, the stylistic influence of the ornamentation on Alexandrian vases, especially the vases from Hadra. These various types of Alexandrian objects show that in the period indicated Olbia held a leading position among North Pontic centres in respect to her contacts with Egypt.

The author's deductions from the Alexandrian material at Olbia are confirmed by an inscription from Tyras which attests the existence there in the II century B. C. of a cult of Serapis and Isis. This document is connected by the author with the decree recently found in Istria concerning the introduction in Istria in the III century B. C. of a Greco-Egyptian cult. The Istrian decree shows that the worship of Greco-Egyptian divinities appeared in the North West Pontic region in the early Hellenistic period, and not for the first time in the Roman era as previously supposed. The spread of Greco-Egyptian cults in this area is explained by the author as resulting from the establishment at the beginning of the III century of economic contacts between the North West Pontic region and Egypt. Olbia, situated at the junction of the North and North West Pontic regions, was closer to the latter in respect to her economic contacts with Hellenistic Egypt, whose ties with the western Pontus go back to the beginning of the III century B. C.
